

# Записки

## театрала.

Вчера театр К. Н. Незлобина открыл сезонъ комедіею Мольера «Мѣщанинъ во дворянствѣ», въ переводѣ и постановкѣ О. Коммиссаржевскаго.

Изумительная, чарующая по богатству и тонкому вкусу въ подборѣ красокъ постановка! Такъ Мольера никогда еще не ставили въ Россіи, да едва ли ставили такъ и на его родинѣ.

Въ антрактахъ говорили:

— Вотъ съ этимъ можно смѣло ѣхать въ Парижъ. И тамъ это будетъ имѣть шумный успѣхъ.

Одинъ артистъ и писатель, человекъ большой наблюдательности и тонкаго юмора сказалъ:

— Если бы артисты былого времени посмотрѣли эту обстановку, они отъ зависти умерли бы снова. «Какъ были несчастны мы,—подумали бы они,—играя Мольера, при наличности на сценѣ двухъ стульевъ! И какъ счастливы современные артисты!»

Это вѣрно по отношенію къ артистамъ. Но вѣрно ли это по отношенію къ Мольеру?

Мольеръ былъ слишкомъ аристократъ духа и слишкомъ презиралъ всю мишуру дворянскаго блеска, чтобы удовольствоваться роскошью обстановки. Комедію «Мѣщанинъ во дворянствѣ» онъ писалъ по заказу для придворнаго спектакля. Ему дана была программа, въ которую долженъ былъ входить балетъ, музыка и пѣніе. Писатель внѣшнюю сторону программы выполнилъ по предписанію, но контрабандою внесъ въ нее сатиру. Задуманное легкое, веселое зрѣлище превратилось въ ѣдкую комедію.

При постановкѣ «Мѣщанина во дворянствѣ» режиссеръ могъ выбирать два пути. Оливъ: скрыть комедію-сатиру и

выставить на первый планъ красивое и веселое зрѣлище, т.-е. сдѣлать то, чего добивался отъ писателя дворъ. Другой путь: выдвинуть на первый планъ въ сочной и живой игрѣ комедію-сатиру, т.-е. то, чему наибольшее значеніе придавалъ авторъ.

Режиссеръ театра К. Н. Незлобина раздѣляетъ стремленіе и вкусы двора. Онъ выбралъ первый путь. Пользуясь яркимъ талантомъ художника Н. Н. Сапунова, онъ создалъ великолѣпные костюмы, стильную, красивую декорацію; затѣмъ далъ просторъ пантомимѣ, танцамъ, музыкѣ и совершенно затмилъ ими артистовъ.

Что именно этой сторонѣ постановки было придано наибольшее значеніе, можно видѣть изъ афиши. Обыкновенно печатаютъ всегда сначала дѣйствующихъ лицъ и исполнителей, а потомъ уже имена тѣхъ, кто занятъ работою по обстановкѣ сцены. У г. Незлобина послѣ автора стоитъ фамилія режиссера, потомъ декоратора, портныхъ, бутафора, парикмахера и работника-техника. И всѣ эти фамиліи напечатаны жирными шрифтами, т.-е. выдѣлены.

А ужъ послѣ этого и обычнымъ шрифтомъ идутъ фамиліи артистовъ.

Останавливаясь на этой характерной чертѣ потому, что меня волнуетъ тотъ ложный путь, на который если еще не вполне вступилъ, то легко можетъ подъ влияніемъ внѣшняго успѣха, вступить театръ, задачи котораго должны быть болѣе высокими и широкими.

У г. Коммиссаржевскаго несомнѣнное сценическое дарованіе. Очень крупное. Но вся сила его ушла въ глаза и оставило сиротою ухо.

Но теперь я склоненъ думать, что талантъ г. Коммиссаржевскаго—исключительно зрительный, какъ бываетъ зрительной память. Это дорогой талантъ въ режиссерскомъ дѣлѣ, но въ постановкѣ пьесы онъ не долженъ диктовать всѣмъ свою волю. Иначе на алтарь обстановки будетъ принесена сила выразительности игры артиста. Иначе внутренняя красота поблекнетъ ради большого разцвѣта внѣшней.

Въ постановкѣ «Мѣщанина во дворянствѣ» зрительный талантъ г. Коммиссар-

жевскаго достигъ огромной высоты. Онъ развернулся въ радугу чудесныхъ красокъ, онъ очаровалъ меня и, повидимому, всѣхъ прекраснымъ знаніемъ эпохи и тонкимъ, изысканнымъ вкусомъ въ толкованіи ея внѣшняго блеска.

Это много. Это очень много и очень интересно.

Но вѣдь Мольеръ-то все-таки выше всего этого. А его забыли. Его обидѣли, умышленно отодвинувъ на второй планъ.

Мы понимаемъ, что великій писатель въ свое время долженъ былъ прятать остріе своего ума, чтобы не дразнить всемогущей, властвующей пошлости. Но теперь-то зачѣмъ это дѣлать?

Въ защиту г. Коммиссаржевскаго могутъ сказать, что такой оборотъ дѣла приняло по недостатку артистовъ съ яркимъ сценическимъ дарованіемъ.

Нѣтъ, это не такъ. Въ исполненіи комедіи такъ блѣдны, такъ затуманены всѣ краски сатиры, такъ невѣрно звучатъ многія интонаціи, что сдѣлать это можно было только при полномъ недосмотрѣ режиссера. Онъ просто не обращалъ вниманія на эту сторону дѣла.

Для примѣра укажемъ на Журденъ въ исполненіи г-жи Васильевой. Артистка не понимаетъ даже своей роли. Режиссеръ могъ бы ей объяснить, что въ задачу Мольера не входило высмѣивать въ каррикатурахъ простыхъ мѣщанъ; писатель ѣдко смѣялся надъ дворянами и мѣщаниномъ, пожелавшимъ стать дворяниномъ. Г-жа Васильева же всѣ силы употребила на то, чтобы представить Журденъ отвратительнымъ, злымъ и тупымъ существомъ.

Довольно этой одной ошибки, чтобы все исполненіе комедіи свести на заурядное, поверхностное толкованіе ея.

Исполнитель главной роли г. Нероновъ былъ недостаточно яркъ и разнообразенъ. Въ его комическихъ выходкахъ не было ничего неожиданнаго, сразу захватывающаго зрителя и внезапно вызывающаго громкій смѣхъ въ зрительномъ залѣ. На него смотрѣли, улыбаясь. Мольеръ же долженъ вызывать не улыбку, а гомерическій смѣхъ.

Очень хорошо играетъ г-жа Лилина служанку Николь. Ея серебристый смѣхъ оживлялъ сцену.

Еще изъ исполнителей надо отмѣтить

г. Лихачева (Ковьельмъ) и г. Липова (учитель танцевъ), въ игрѣ которыхъ не чувствовалось никакой принужденности.

Наибольшее впечатлѣніе производитъ послѣдняя картина, дивертисментъ. Здѣсь отлично звучитъ музыка Н. А. Манькина-Невструева. Съ большимъ вкусомъ поставлена пантомима. Каждая фигура выразительна. Граціозна и мила г-жа Добрынская-Коммиссаржевская въ роли Коломбины.

Спектакль имѣлъ успѣхъ спорный. Нѣкоторые нашли его даже скучнымъ.

Безспорный успѣхъ онъ будетъ имѣть у дѣтей. Для дѣтскихъ утренниковъ это будетъ безусловно хорошо.

Театралъ.

Импр. Россіи 3 сент.  
1911 года